

Шэнь Чэн поставил аптечку на журнальный столик, открыл её и привычно достал йодофор, ватные шарики, ещё йодофор, противовоспалительный порошок, марлю и другие принадлежности, аккуратно разложив всё рядом.

Затем вытащил пистолет из кобуры на поясе и положил на подлокотник дивана так, чтобы в любой момент можно было схватить. Ствол был направлен наружу — бдительность не ослабевала ни на секунду.

Только закончив приготовления, Шэнь Чэн поднялся и пошёл в ванную.

Ли Чанлэ смотрел, как высокая спина исчезает в дверях, и мысленно бурчал:

«Как будто стал ещё круче... и ещё более скрытным красавчиком. Пространственная способность настолько офигенная, а он даже слова объяснить не хочет? И как привычно он вытащил пистолет и приготовился прикрывать комнату... Чёрт, это же невероятно красиво!»

Вскоре Шэнь Чэн вернулся с тазиком тёплой воды и новым полотенцем.

Поставил таз на столик, намочил полотенце, тщательно отжал и положил рядом.

Закончив с подготовкой, снова присел перед Ли Чанлэ, сосредоточенно посмотрел на его левое плечо и низко сказал:

— Не двигайся. Я помогу снять одежду.

Он осторожно взялся за молнию куртки. Двигался так медленно и бережно, словно даже малейшее натяжение ткани могло усилить боль.

Под курткой рубашка уже насквозь пропиталась кровью и прилипла к коже.

Шэнь Чэн начал отделять ткань. Как бы осторожен он ни был, когда засохшая кровь на ране отрывалась вместе с рубашкой, Ли Чанлэ всё равно не выдержал:

— Тс-с-с...

Он резко втянул воздух и инстинктивно сжался.

— Больно? — Голос Шэнь Чэна мгновенно напрягся. Руки тут же замерли, а в глазах появились тревога и самообвинение.

— Н-нет! — упрямо соврал Ли Чанлэ, вытянув шею, хотя кончики ушей сами собой быстро

покраснели.

Когда Шэнь Чэн обращался с ним так, словно держал нечто бесценное, сердце, молчавшее две жизни, вдруг совершенно неприлично ускорило.

Тем более Шэнь Чэн был так близко, что Ли Чанлэ чувствовал его особый мужской запах. Вору становилось сухо.

Шэнь Чэн явно не поверил. Брови сдвинулись ещё сильнее.

Но расспрашивать он не стал — только замедлил движения ещё больше.

Когда прохладные подушечки пальцев начали одну за другой расстёгивать пуговицы рубашки Ли Чанлэ, кончики пальцев время от времени случайно задевали кожу на груди и животе, вызывая лёгкую дрожь и покалывание.

Щёки Ли Чанлэ становились всё горячее.

Он опустил глаза, но периферическим зрением всё равно постоянно косился на лицо Шэнь Чэна — настолько красивое, что это уже казалось преступлением против человечества.

Сосредоточенный взгляд, слегка сжатые чувственные губы — всё только сильнее будоражило и без того спутанные мысли.

Тишина и сосредоточенность переплелись, и атмосфера каким-то образом стала опасно двусмысленной и интимной.

Ли Чанлэ внутренне взвыл:

«Если он продолжит так медленно расстёгивать пуговицу за пуговицей, я раньше раны умру от тахикардии!»

— Кхм! — Наконец терпение кончилось. Он неловко кашлянул, схватил руку Шэнь Чэна, которая уже двигалась ниже, и хриловато от смущения сказал: — Я... сам!

Не дожидаясь ответа, быстро расстегнул остальные пуговицы и одним движением распахнул рубашку, обнажив подтянутый торс.

Наверное, из-за того, что тело годами почти не видело солнца, кожа здесь была ещё светлее и нежнее, чем на лице. Мышцы очерчивались плавно, без излишней массивности. При каждом вдохе твёрдый пресс едва заметно поднимался, по бокам проступали линии, уходившие вниз и

скрывавшиеся за поясом брюк...

Взгляд Шэнь Чэна на мгновение задержался на обнажённом теле.

Глаза резко потемнели. Пальцы, державшие полотенце, непроизвольно стиснулись так сильно, что костяшки побелели.

Он даже почувствовал, как слишком долго спавшее желание начинает просыпаться.

Но в конце концов силой подавил все совершенно неуместные мысли и снова сосредоточился на ране на плече Ли Чанлэ.

Шэнь Чэн ещё раз смочил полотенце тёплой водой, аккуратно отжал до полусухого состояния и начал вытирать засохшую кровь и грязь вокруг раны.

Движения оставались настолько мягкими, словно он боялся причинить Ли Чанлэ хоть малейшую боль.

Тёплое полотенце скользило по коже, оставляя приятное тепло и немного ослабляя жжение.

Ли Чанлэ слегка повернул голову и смотрел на сосредоточенный профиль Шэнь Чэна совсем рядом...

Будто в этот момент кто-то включил замедленную съёмку.

Шум и опасности апокалипсиса словно остались за пределами маленькой комнаты. Здесь были только этот человек и ничем не прикрытые боль и забота в его глазах.

Сердце Ли Чанлэ будто стало твёрдой конфетой, опущенной в тёплую воду: медленно размягчалось, растворялось, распуская вокруг тонкую сладость.

Он даже подумал: в прошлой жизни руки-ноги ломались — никому дела не было. А сейчас кожу чуть распорол, и уже личный уход на дому.

Тц. Разница в обслуживании просто колоссальная.

Но... когда тебя так бережно держат на самом дорогом месте в сердце — чёрт возьми, это приятно.

Когда кровь и грязь были убраны, открылись несколько глубоких порезов с разошедшимися краями. Выглядели они пугающе.

Шэнь Чэн взял чистый ватный шарик, пропитал йодоформом и начал обрабатывать раны.

— Тс-с... — Холодный антисептик коснулся повреждённой плоти, и острая боль мгновенно вспыхнула. Ли Чанлэ не удержался от тихого стога, всё тело напряглось.

Шэнь Чэн тут же остановился и поднял голову. Взгляд без слов спрашивал: всё нормально?

Почти машинально он мягко подул на рану, пытаясь уменьшить боль.

— Всё, давай дальше, — Ли Чанлэ отвёл глаза. Голос стал немного глухим.

Шэнь Чэн долго посмотрел на него и лишь затем продолжил, теперь ещё осторожнее.

Тщательно обработав раны, он достал противовоспалительный порошок и равномерно посыпал им повреждённые участки.

Потом развернул стерильную марлю и начал аккуратно обматывать плечо и верхнюю часть руки Ли Чанлэ.

Движения были профессиональными и уверенными. Повязка легла с идеальным натяжением и полностью закрыла все раны.

В конце Шэнь Чэн ловко завязал впереди на плече бантик.

Ли Чанлэ посмотрел на внезапный бантик на своём суровом мужском плече — суровом, по крайней мере, по его собственному мнению. Уголок рта дёрнулся. Хотелось засмеяться, но почему-то одновременно стало тепло.

Перевязка закончилась.

Шэнь Чэн наконец выпрямился, кончиком пальца легко стёр с щеки Ли Чанлэ пятнышко пыли и тихо, мягко сказал:

— Всё.

Всего одно слово, но в нём было что-то удивительно успокаивающее.

Ли Чанлэ посмотрел на него, открыл рот, собираясь сказать «спасибо», и вдруг понял, что эти два слова слишком лёгкие. Они не передавали даже одной десятитысячной того, что происходило сейчас внутри.

В итоге он просто широко улыбнулся — ярко и немного глуповато:

— Чэн, с такими руками тебе надо было в хирурги идти!

Шэнь Чэн посмотрел на его солнечную улыбку с хитринкой, и натянутая всю дорогу струна внутри наконец полностью расслабилась.

Спрятанные в глазах усталость и запоздалый страх тихо рассеялись, осталась только мягкость, похожая на воду.

Он естественно протянул руку и, как когда-то, потрепал Ли Чанлэ по волосам.

— Сиди и не двигайся. Я найду тебе чистую одежду.

Шэнь Чэн поднялся и редким движением слегка приподнял уголки губ, почти улыбнувшись. Потом взял таз и ушёл.

Взгляд Ли Чанлэ словно приклеился к этой лёгкой улыбке, оставшейся на губах Шэнь Чэна, когда тот поворачивался.

Сердце почему-то пропустило удар.

Как же, чёрт возьми... красиво он улыбается.

Глаза сами следили за его спиной.

Короткие волосы были чуть растрёпаны и пушились. Чёрная тренировочно-тактическая форма подчёркивала широкие плечи, узкую талию и перевёрнутый треугольник фигуры. При каждом шаге под тканью угадывались плотные тренированные мышцы, особенно выделялись длинные ноги...

Смотреть было почти опасно — слишком соблазнительно.

У Шэнь Чэна была та самая яркая, выразительная красота, которая особенно эффектно смотрелась бы в историческом костюме: тонко очерченные глаза и брови, чёткие черты, одновременно мужественность и красота, благородство и мягкая элегантность.

Добавить рост в сто восемьдесят пять сантиметров и тренированное тело...

И вот после того, как когда-то он уже «попробовал» этого мужчину, Ли Чанлэ умудрился забыть его на целых две жизни.

Если подумать, это уже почти непростительно по-свински.

Шэнь Чэн прекрасно чувствовал горячий взгляд за спиной. Уголки губ невольно поднялись ещё немного.

Его Лэлэ всё так же смотрит открыто и горячо.

Когда-то Шэнь Чэн больше всего любил, когда Ли Чанлэ глядел на него этими влажными ясными глазами — так, будто любил сильнее жизни.

А потом повернулся — и забыл.

Хотя полностью винить его за это, конечно, нельзя.

<http://bllate.org/book/20151/1994480>